

A man with curly brown hair and a beard, wearing a blue denim jacket over a light-colored shirt, is sitting at a desk in a library. He is looking down and writing in an open book with a pen. The background shows bookshelves filled with books and a window with greenery outside.

Дмитрий Боррони

Кто автор, а кто герой

2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Боррони

Кто автор, а кто герой 2

<https://litres.ru/73539978>

SelfPub; 2026

Аннотация

Писатель сидит за столом и пишет свой роман. Он задумчив. ведь он не единственный автор.

Эта книга - продолжение о том, кто из нас пишет книгу, а кто её автор. Порой мы не знаем, кто мы такие? Герои своего романа или его автор. Кто знает, всё может быть. Детективная мистика это классика литературного жанра. Вы познакомитесь со многими героями. Одни отрицательные, другие положительные. Но кто они. Авторы своих судеб или герои своего романа, вот вопрос.

Свернуть

Содержание

Глава 46 Сон или явь провинциального секретаря Тимофей Кондратьевича	4
Глава 47 Страх сознания провинциального секретаря Тимофей Кондратьевича.	24
Глава 48 Поучение матушки дочери	34
Заповеди Моисея	48
Глава 49 Гости	55
Глава 50 Кошмар Любовь Романовны или её сон	68
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Дмитрий Боррони

Кто автор, а кто герой 2

Глава 46 Сон или явь провинциального секретаря Тимофей Кондратьевича

Что ни говори, а женщину переспорить нельзя. Она всегда права. Права тогда, когда права и права тогда, когда неправва вовсе. Вообще, женщина — это нечто. Она всегда получала своё. Требовала свои права – избирательное право для женщин, которое они получили в Новой Зеландии в 1893 году. Позже женщины добились в Австралии, Франции, Норвегии, Дании, Исландии, в России, и наконец в Канаде – в 1918 году.

Женщины ставят всё с головы на голову. В их рассуждениях порой нет ни капли смысла. Бред сивой кобылы, да и только.

Но порой рассуждения женщины разумны. Они целесообразны и рассудительны, превращаясь снова и снова в бред сивой кобылы. Женщины никому не доверяют, всех предадут, всеми пользуются.

Пользовалась ли Лариса Жданов тогдашним кабинетского

регистратора Тимофей Кондратьевича. Кто знает? Впрочем, об этом знает только одна женщина. Но, возможно, женщина и не знает, если она влюблена, и её предадут, то её месть будет жестокой, и не удивляйтесь, если женщина мща будет пользоваться им. А ещё мужчины удивляются, что их ещё пользуют как своих любимых, и предают, как только все желания женщин исполнены.

Но вернёмся к истории. Итак, начнём.

– Я, то и та. Я, то и это. Я, то что я и я, то что. Я ни в коем разе не скажу, кто я такая. Ведь я и то и это вся едина, во взгляде женщин я прочна, и не разглашу я ничего что разглашать не надо. Вы спросите, кто я такая? Лариса Жданова я или Вы думаете, что я это не она. Ведь для Вас я призрак прошлого или жительница Жабинки, Пелагея Ивановна Хайц. Что ж, не буду переубеждать Вас, ни в том и не в другом, в чём я могла бы Вас переубедить. Во всяком случае я та, кем Вы считаете меня. Хотите, Ларисой Ждановой я останусь, а хотите, Пелагеей Ивановной Хайц обращусь.

– Так кто Же Вы?

– Я сущность из ничего преданной Вами Тимофей Кондратьевич, а не я предавшая Вас Лариса Жданова – Ваша и Пелагеей Ивановной Хайц в одном обличье. Хотите знать, кто я? Извольте, я скажу, что можно мне сказать.

– Что ж, говорите. – сел на стул провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич. – Я внимательно слушаю Вас,

кто бы Вы ни была.

– Я, то и та. Я, то и это. Я, то, что я и я, то что. – снова сказала Лариса Жданова. – Я – правосудия и закон. Искала я человека одного, и я его нашла.

– Кто ж этот человек? – Человек – предатель родины – отечество своего.

– Кто он?

– Ирод он российский. Анархист и также он убийца.

– Кто же он таков?

– Его звание, надворный советник, Роберт Карловичем звать. Его нашла.

– Он убит. Это сделали Вы?

– Нет.

– Кто тогда?

Молчание.

– Сильвестр Аристархович Плюм?

Молчание.

– Он приходил ко мне перед Вами во сне. – глаголил провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич. – Словно призрак появился он из прошлого и говорил со мной. – Человеческий мозг богат на вымыслы. Дай ему только волю, как он начнёт жить самостоятельной жизнью. – она сделала паузу. – Жизнь мозга — это отдельная природа его жизнедеятельности и жизнедеятельности самого человека. Если они неразделимы и одно целое, то это хорошо. А еже ли нет, то караул.

Провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич задумался. Что если правда что его мозг работает совершенно отдельно от его тело, и Диметрио, Сильвестр Аристархович Плюм и Лариса Жданова или Пелагеей Ивановной Хайц является тому подтверждением. Ведь только безумец способен видеть то, что видеть никто не может. На какую-то секунду провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич ужаснулся. Он неожиданно подумал, что он спятил. Что это расследование умершей Лидии Потаповны вот-вот, да и помещает его здравый рассудок. Ведь в мире, где прибывал Диметрио, он был один, и сейчас, призрак Сильвестра Аристарховича Плюм, а так же Ларисы Ждановой, и Пелагеи Ивановны Хайц, сейчас это было просто безумие.

Тем временем Лариса Жданова продолжала свою речь.

– Кто приходил, а кто – нет, это не важно. Важно только одно, что Вы об этом думаете? Важно лишь то, что я думаю обо всём этом. – она сделала паузу. – Я охотилась за надворным советником Роберт Карловичем с тех самых пор, когда произошли все известные Вам события. – начала свой рассказ Лариса Жданова. – Мне дали приказ, найти иностранного шпиона Наполеона в России. Мне дали это задание и поручили внедриться в некую организацию, которая по сведению тайной канцелярии Его Величества были связаны с французскими агентами в Польше. Он неких источников я узнала, что некий Сильвестра Аристарховича Плюм имеет вход в тайную организацию, и что он любит искусство-жи-

вописи. – она, сделав грустную паузу, продолжила. – Я долго добивалась, пока он на меня обратит внимание, а когда он на меня обратил внимание, то... — она тяжело вздохнула, и с явным призрением посмотрев на провинциального секретаря Тимофей Кондратьевича, оскалила свою улыбку, и словно обвиняя его в своих несчастьях, а так оно и было, прорычала. – А Вы мне всё испортили.

– Я?

– Да, Вы провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич.

– Я выполнял закон. – оправдывался провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич. – Вы нарушили закон Лариса Жданова и поплатились за это. – он сделал паузу, словно хотя что-то сказать, в затем бросил. – Что же, ежели Вы служили в тайной канцелярии Его Королевского Величества, почему они не позаботились о Вас, уважаемая Лариса Жданова. – он сделал однозначную паузу и точно заметил. – Что же тайная канцелярия не выгатила Вас из места лишения свободы?

Лариса Жданова только развела руками.

– Значит было нельзя. – сказала она. – Ежели это произошло бы, то вся операция коту под хвост пошла.

– Я Вас понимаю, Лариса Жданова. – тяжело вздохнул провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич, затем добавил. – Наше дело – превыше всего.

Тихо горела свеча на столе. Ночь. Женщина и её дочь сидели за столом, сочиняли историю. В какой-то момент одна из женщин, которую звали Елена Кузьминична, завела разговор.

– Что же дальше? Неужели провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич поверил Ларисе Ждановой. – спросила Елена Кузьминична у Любови Романовны. – Неужели эта женщина затуманила ему мозги, кем бы ни была она не была? «Её история противоречит истории Ларисы Ждановой. — заметила Елена Кузьминична, — история Сильвестра Аристарховича отличается в корни от той истории, которую рассказала Лариса Жданова».

Любовь Романовна отложила перо в сторону, и, посмотрев на свою дочь, сказала.

– Совершенно верно. – согласилась Любовь Романовна. – У каждого из этих героев этой истории своя правда. Но какая из них истинная это неизвестно. – она сделала паузу. – Одно я знаю точно, для провинциального секретаря Тимофей Кондратьевича служение родины была превыше, чем ослеплённая любовь человека, способный на предательство ради неё.

– Вы считаете, что провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич любил родину, больше, чем Ларису Жданову? – удивилась Елена Кузьминична. – Я с этим совершенно не согласна.

– Не согласны? – удивилась Любовь Романовна. – Поче-

му?

– Ради Ларисы Ждановой провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич отправил на каторгу, а сам надеялся остаться с Ларисой Ждановой, а та, воспользовавшись им, исчезла, растворилась в небытие.

Видя сомнения Елены Кузьминичны, Любовь Романовна возразила.

– Так, может, она не растворилась. – Может быть, она исчезла, чтобы получить иное задание тайной службы Его Величества? – она сделала паузу. – Что же касается провинциального секретаря Тимофей Кондратьевича, то, может, она его не любила его вовсе?

– Может быть. – тихо, задумчиво согласилась Елена Кузьминична. Затем сказала. – Мы женщины совсем ни такие, как мужчины.

– Лучше или хуже? – задала неоднозначный вопрос Любовь Романовна, и Елена Кузьминична ответила.

– Хитрее.

– Тогда как Вы считаете, Елена Кузьминична, — задала вопрос Любовь Романовна. – Лариса Жданова была, по-Вашему, какой женщиной?

Этот вопрос не заставил Елену Кузьминична долго думать.

«Что есть женщина? – задавала она сама себе этот вопрос и тотчас же находила на него ответ. То есть она не находила ответ, ответ она уже знала, как любая из женщин. – Женщи-

на – не то что кажется вообще. Она любима и жестока одновременно. Она предаёт и выручает из трудной ситуации, порой жертвуя самой. Женщина — это загадка. Загадка всего общество. Она недоступна никакому пониманию. Ища лучшей жизни, она заботиться о семье, которой у неё с её личных слов мужу никогда не было и быть не может, так как она всегда любила, любит и будет любить лишь одного человека, и этот человек – он, её муж – богатенький буратино из её настоящей жизни, у которого можно грести деньги лопатой, а он и не заметит. Женщина – стерва. Женщина – сука. Женщина – сама нечисть. Нечисть, пришедшая к нам на землю из другого мира. Соблазнившая Адама плодом запретного яблока греха. Кто знает, может быть змей, соблазвивший Еву, это не дьявол, а некто, кто жил в разуме самой Евы и говорил с ней. Ведь женщины порой говорят про себя вслух. Рассуждая осмысле жизни и, о том, что ещё надо сделать им, чтобы быть счастливыми. – такие мысли посетили Елену Кузьминичну, и ей волей – не волей пришла неожиданная, но логическая мысль. – Женщины — это мудрейшие жители, планета Земля. – но в то же самое время она сама себе противоречила. – Умные, это значит полные дуры? – эта мысль немного ошеломила её. – Что, если женщины самые глупые люди на планете земля? – тут же она успокоила сама себя. – Ведь я не дура. И маменька моя не так проста как может показаться на первый взгляд. Да, не правы те кто утверждает, что женщина умная, имея, ввиду что она полная

дура. Женщина и должна быть полнейшей дурой. Ведь ежели женщина считает себя умной, то очевидно, она полнейшая дура. Уж лучше быть полной дурой и при этом добиться своего, нежели умной и при этом ничего не иметь».

– Я не могу однозначно ответить на этот вопрос. – осторожно сказала Елена Кузьминична. – Я не знаю эту женщину, так как знаете её Вы, маменька. – она сделала осторожную паузу. – Вы привнесли в эту историю Ларису Жданову. – она снова сделала осторожную паузу и, посмотрев на матушку, сказала. – Я думаю, нет, я абсолютно уверена, что Лариса Жданова отчасти Вы сами Матушка. А моя матушка не может быть... — тут она на секунду запнулась, ища подходящие слова. Затем сказала. – Не может быть плохим человеком. – затем она спросила. – Ведь это так, — и ласково добавила, — маменька.

Любовь Романовна нежно улыбнулась.

– Значит, Вы Елена Кузьминична считаете, что Лариса Жданова и я это одно и то же лицо?

– Уверенно. – однозначно ответила Елена Кузьминична.

Любовь Романовна поинтересовалась:

– Почему?

– Вы бы не стали писать о том, о чём не знаете.

– Отчасти я с Вами согласна. – сказала Любовь Романовна. – Я не пишу о том, что не знаю. – она сделала паузу. – И всё-таки, почему Вы считаете, что Лариса Жданова и я Любовь Романовна одно и то же лицо? – спросила она. – Я же

Вас, Елена Кузьминична, спрашивала не об этом. – она сделала однозначную паузу. – Я спрашивала Вас, Елена Кузьминична, о том, какой, по-Вашему, женщиной Лариса Жданова? А Вы вместо ответа на этот вопрос сказали, что я не могу быть плохим человеком, а мой вопрос так остался без ответа.

– Нет. – возразила Елена Кузьминична, — я ответила на Ваш вопрос, маменька. – она сделала упреждающею паузу. – Ведь каждая женщина хочет быть немного героем, немного злодейкой, немного любимой и брошенной. – затем она уточнила. – Брошенной, чтобы отомстить за то, что женщину бросили, а не она бросила, с позволения сказать, своих кавалеров. – затем она добавила. – Это видно из этой истории, которую Вы маменька, пишете. – она сделала окончательную паузу и однозначно сказала. – И скажите, что я не права! Нет. – утверждала Елена Кузьминична. – Я права. Права. – повторила она снова. – Права. – на её глазах появились горькие слёзы. – Вы маменька, пишете эту историю ни про кого бы то ни было, а про себя. – утверждала Елена Кузьминична. – Это история Вашей жизни и жизни нашей семьи.

– Эта история нашей семьи. – сказала Любовь Романовна. – И не только. – она, сделав паузу, сказала. – Эти истории из жизни всех людей, кои живут в этом мире. – Значит, предательство это и есть Ваша жизнь, маменька.

– Не смей со мной говорить на повышенных тонах. – прикрикнула на Елену Кузьминичну Любовь Романовна. – Я всё

же Ваша мать, Вашу мать уважаемая Елена Кузьминична, и мать Вашу на меня повышать тон Вашу мать, я не позволю.

– Какая приятная речь. – заметила Елена Кузьминична. – Вы маменька, ругаетесь словно сапожник, да и он я уверенна, не посмел бы, так сказать. – Что? – спросила Любовь Романовна за своею речью, следили бы лучше недоросль Вы такая. Ещё на губах не обсохло, а всё туда же. Дочуря называется. – затем она не сдержалась и выкрикнула. – ХАМКА, хамка и есть.

Да. История семьи – дело святое. Никто не выносит свои скелеты напоказ. Все держат их в шкафах – укромных уголках, туда, куда другим доступа нет.

Поняв свою ошибку, Елена Кузьминична сказала:

– Простите меня, — и ласково добавила, — маменька.

– Я не потерплю, чтобы меня упрекали в моём собственном романе. – Сказала Любовь Романовна. – Я пишу эту историю так, как хочу потомкам оставить хоть какую-нибудь память обо мне и о нашем роде. – она сделала паузу. – Эта история – история жизни многих людей. – сказала она снова. – Впрочем, я, кажется, что-то подобное уже говорила. – она сделала паузу и посмотрела в окно, за которым была видна лишь ярко-жёлтая луна, и мерцающие звёзды. На часах маленькая стрелка уже подходила к трём часам, а большая к без четверти.

«Скоро уже три часа ночи. – подумала Любовь Романовна. – Скоро пора ложиться спать. – она посмотрела на свою

рукопись и подумала. – Но сначала надо бы дописать эту главу, а следующую начать завтра».

Она взяла в руки перо, и, обмакнув его в чернильницу, продолжила писать свою историю.

Итак, Любовь Романовна продолжила писать свою историю.

Продолжение истории Любовь Романовны

Дело – самое главное в жизни самого человека. Он решает, что делать в своей жизни – выбирает профессию и служит ей до самой своей безвременной кончине...

Написав эти строки, Любовь Романовна задумалась.

«А служит ли человек всегда своей профессии, или эта профессия служит человеку? Кто выбирает? Человек профессию или профессия человека?».

На этот у Любове Романовны не было однозначного ответа. Впрочем, его нет и сейчас, спустя много лет после этих событий.

Не найдя ответ на этот вопрос, Любовь Романовна продолжила свою историю.

Продолжение истории Любовь Романовны

...кончина человека, когда она наступает? Когда смерть приближается к человеку? Порой человек живёт как мертвец, а бывает мертвец всё с ног на голову поставит и скажет, так и было. Таких людей бояться, ненавидят, призрают, желают скорейшей смерти, чтобы избавиться от его козней. Чтобы им было покойно жить на этом свете, и никто им не мешал проворачивать свои грязные делишки. Так кто же был на самом деле провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич? Мертвецом или занозой в одном месте? А Лариса Жданова а также Сильвестр Аристархович Плюм? Что дальше? Кто они такие? Патриоты или нет? Задумавшись об этом, провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич знал наверняка, что он приверженец, патриот своей родины, своего отечества. И неважно, что думают о нём другие, он знал наверняка, что он это он. Другого такого нет.

Что же касается Ларисы Ждановой; то это лишь призрак, считал провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич. Призрак, сущность которой была не кто иная, как Пелагея Ивановна Хайц. Женщина, жившая в Жабинке, которую провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич знал. И хоть она была колдуньей, ведьмой, знавалась с нечистой, провинциальный секретарь всё равно не мог поверить, что Пелагея Ивановна Хайц способна на такое. Ведь мы знаем, что стать призраком, как эта сделала Пелагея Ивановна Хайц, в принципе нельзя. Невозможно, или нет?

На этот вопрос надо было дать ответ в этой главе истории, ну в крайнем случае в следующей. Итак, перенесёмся снова в Жабинку и посмотрим, что делают герои этой истории. Лариса Жданова и провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич. Итак...

– Я, наверное, должен перед Вами, Лариса Жданова извинится. – сказал провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич. – Я погубил Вам всю Вашу операцию.

– Это ещё мягко сказано, погубил. – жестоко фыркнула Лариса Жданова. – Вы её просто провалили. – она на секунду задумалась, сменила гнев на милость и сказала. – Хотя обвинять Вас я не буду. – сказала она. – В конце концов, я не лучше Вас. Подговорила Вас сослать Сильвестра Аристарховича Плюм на каторгу, пообещав, что я останусь с Вами, а сама своё обещание не сдержала. – она сделала грустную паузу. – Я ушла от Вас, оставив Вас одного с Вашими горестями. – затем она как бы невзначай спросила. – Ведь Вы страдали, когда узнали, что я уехала без объяснений? – затем она уточнила. – Ведь так, я не ошибаюсь?

Помилуй бог, если это ни так. Если Тимофей Кондратьевич скажет что-нибудь, что не понравится Ларисе Ждановой. Что приведёт её в бешенство. Тогда караул! Щепки летят по закоулку.

Об этом провинциальный секретарь Тимофей Кондратье-

вич не подумал. У него даже в мыслях не было никакого предположения по этому поводу. И он, недолго думая, ляпнул.

– Если Вы считаете, что я страдал после того, как Вы подло обманули меня, и ушли, не зная, куда, то Вы глубоко ошибаетесь. Я ничуть не страдал, когда Вы ушли. Не сто́ит страдать из-за той, кто не ценит или использует кого бы то ни было в своих целях.

Поняв смысл этой речи, Лариса Жданова уточнила:

– Но Вы любили меня?

– Я? – испуганно спросил провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич. – Да никогда. – он сделал паузу, затем сказал. – Вы интересовали меня только как достижение моей цели, уничтожить Сильвестра Аристарховича Плюм, и ничего больше.

– Что? – неистова воскликнула оскорблённая Лариса Жданова. – Это не Вы, а я бросила Вас. – однозначно заявила она. – А по Вашим словам Вы мною воспользовались и... — оскорбилась она. – Я Вам неполовая тряпка, чтобы об меня ноги вытирать. Это я обо всех ноги вытру и скажу; так и было. Ишь какой?! – неистововала она. – Я не нравилась ему. Принц каков нашёлся. Что же моя милость не пристала такому человеку, как Вы провинциальный, а тогда кабинетского регистратора, Тимофей Кондратьевич меня стеснялись? Я Вам нужна была не для отношений, а так, поразвлечься, что ли? – продолжала рвать и метать Лариса Жданова. – Так вот.

– ткнула она ему в лицо. – Я не какая ни тряпка, чтобы мной можно было попользоваться и выбросить на помойку. – что есть силы кричала она. – Я – женщина, бросающая мужчин, а не они меня. – крикнула она и тотчас же крикнула, глядя ему в глаза так, что его охватила жуть такая, что прежний ужас испытанный он только что были только цветочки, а это уже ягодки. – ЯСНО!!! А?

Боже ты мой! Что ни говори, а гнев женщины хуже, чем попасть в Ад. И не просто в Ад, а в самую отдалённую преисподнюю – её тёмной преисподней отдалённого Хоррора – его бесконечного ужасающего бездонного колодца потерянных душ.

Господи та, боже ты мой. Почему нет. Затем провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич, сказал: Вы интересовали меня только как достижение моей цели, уничтожить Сильвестра Аристарховича Плюм, и ничего больше. Это признание поставила окончательную точку в этом разговоре. Лариса Жданова тотчас же превратилась в монстра. Она не потерпела того, что сказал только что провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич. Да и любой мужчина. Что значит; интересовали меня только как достижение моей цели. Какую цель преследовал провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич? Отправить на каторгу Сильвестра Аристарховича Плюм, или какую-то иную цель. Цель, которую Лариса Жданова не знала.

Впрочем, в этой работе, что ни говори, а много неизвест-

ных из многочисленных неизвестных, делящихся, в свою очередь, на неизвестные бесконечные числа, коих их великое множество как множество корней, делящихся на самих себя. К примеру, $\sqrt{\infty \pm \infty * \infty = 1\infty\infty}$

Вектор силы – образование представление, видение того, какие линии сил организуют тело человека. Но вектор силы есть и другой – отличающийся от того вектора силы, который мы знаем. Вектор силы – это вектор, который даёт человеку его положение. Флегматик, Меланхолик, Сангвиник и Холерик. Это и есть вектор силы человека. Образование же представление каких-либо линий человека, это понятие относительное, и недоказуемое. Линии – черты лица могут сказать, что человек из себя представляет, а его харизму – вектор силы – нет. У каждого человека этот вектор индивидуален, и не стоит винить кого-либо, если этот вектор расходится с личностью самого человека.

В какой-то миг провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич ужаснулся. Ему почему-то показалось, что на него смотрит, с ним говорит ни Лариса Жданова, и даже не Пелагея Ивановна Хайц, с ним говорило нечто? Смотрела на него некая сущность которую он до селя, никогда не видел. Глаза сущности горели алым пламенем, а лицо напоминало нечто такое, что он не мог объяснить. В ту же секунду он постарался вспомнить лицо Пелагеи Ивановны Хайц, но не мог это сделать, так как алые глаза, горящие ярким пламенем, смотревшие на него своим ненавистным убийственным взглядом,

заставлял забыть обо всём и не вспоминать то, что могло бы отрезвить провинциального секретаря Тимофей Кондратьевича и дать ему снова возможность вести диалог.

В кабинете провинциального секретаря Тимофей Кондратьевича стало холодно. Чьи-то глаза смотрели на него прямым взглядом, и Тимофей Кондратьевич слышал, как это существо что-то говорит. Он не мог понять, что говорит это существо? Что оно хочет от него? А самое главное, зачем оно здесь и кто это за существо? Что оно? Что ему здесь надо бы? В какой-то миг существо как бы прошипело. – МОЁ. – затем оно исчезло.

Чёрт возьми! Проснулся провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич. Не понимая, что происходит, его лицо лежало на письменном столе. Вздёрнувшись от неожиданности, Тимофей Кондратьевич почувствовал, что на его лице гуляет холодный пот. Сам он вспотел, и, озираясь по сторонам, не понимал, что происходит? Что это было? Сон или явь?

Если же это явь, то как он проснулся? Ведь Тимофей Кондратьевич спал, говоря с призраком Сильвестра Аристарховича Плюм. А еже ли нет? Еже ли тогда был не сон, а сон – он вот он, сейчас. Так что же, Тимофей Кондратьевич спал? Или он спал сейчас? А может быть, это был сон во сне? А всё то что он видел, ничего из этого не происходило на самом деле?

«А что тогда? – задавал Тимофей Кондратьевич всё один

и тот же вопрос, и не находил на него ответ. – Что, если всё это действительно сон? Я сплю и всё это мне лишь снится? – успокаивал себя на этой мысли провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич. – Что если?.. много если. – говорил он сам себе. – А когда много если, то ответа нет никакого, только одни вопросы».

В это мгновение чей-то женский голос сказал:

– Я не какая-то там вещь. Я женщина которая хочет быть любимой, а вместо этого её предают. – затем женщина посмотрела на провинциального секретаря Тимофей Кондратьевича так, словно она смотрела сквозь него. Затем она повернула голову к окну, и, подойдя к нему, сказала.

– Скоро рассвет. Мне пора.

Не понимая, что только он видел, Тимофей Кондратьевич поинтересовался:

– Что только что было?

– Вы о чём? – не поняла Лариса Жданова.

Поняв, что Лариса Жданова не помнила или не хотела говорить о происходящем, провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич сказал:

– Ни о чём, забудьте.

В это самое время Лариса Жданова предложила:

– Я могу помочь Вам раскрыть это преступление. – она сделала паузу. – Роберт Карлович мёртв, а вот кто его убил этот вопрос.

– Вы думаете, что я не справлюсь?

– В Петербурге ждут результатов, а результатов нет. – она сделала однозначную паузу. – Как Вы думаете, если не найдут преступник, то кто виноват будет?

– Я точно знаю, что в Петербурге разберутся, кто виноват.

– А еже ли нет?

Провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич задумался.

– Подумайте на досуге. – сказала Лариса Жданова. – А пока, пока. Мне пора. Рассвет.

В эту секунду провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич проснулся.

Глава 47 Страх сознания провинциального секретаря Тимофей Кондратьевича.

Итак, провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич проснулся. Ничего не понимая, он огляделся по сторонам, и увидев перед собой, стоящих возле него каких-то женщин, нечего не понимая, произнёс:

– Я сплю или нет?

– Что с Вами? – поинтересовалась стоящая перед ним женщина. – Мы пришли к Вам, а Вы здесь, спите. – Значит, я спал? – облегчённо вздохнул провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич. Он облегчённо вздохнул. – Чёрт, ну и приснится же такое? – сказал он. – Заботишь забыть этот сон – не забудешь, век помнить буду.

Две женщины переглянулись меж собой.

– Вам снился кошмар? – спросила одна из них, а вторая добавила:

– Когда мы пришли в Ваш кабинет, то Вы стонали. – она сделала однозначную паузу. – Очевидно, кошмар.

– Если бы. – сказал провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич. – Кошмар – мягко сказано. Ужас!

Женщины снова переглянулись меж собой. Они смотрели на провинциального секретаря Тимофей Кондратьевича, и в

их жилах застыла кровь. Лицо провинциального секретаря было бледно. И не просто бледно, а бледно-мёртвом. Оно ничего не выражало, кроме бледного кошмара, живущего в его глазах.

– Я думаю, Вам надо сейчас успокоиться. – сказала одно из женщин.

– Вы правы, Ефимия Иннокентьевна. – согласился провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич. – После такого кошмара и отдохнуть можно. – он встал со стула и направился к выходу. – проходя возле женщин, Тимофей Кондратьевич сказал. – Призраки всегда с нами, они преследуют нас до конца жизни и не хотят с нами рустоваться.

Женщины не поняли к чему, это было сказано. Ира лишь сказала.

– Призраки — это наши страхи, а от страхов избавиться нельзя. – Ефимия Иннокентьевна сделала паузу. – Нам дано лишь преодолеть их, и то не всегда это удаётся.

– Призраки преследуют нас всегда. – сказала Ира. – Призраки прошлого и неизвестных грядущего.

– Грядущего? – спросил Тимофей Кондратьевич?

– Неизвестность перед грядущим, призрака грядущего. – пояснила Ира. – Вот это страшно.

Задумавшись, провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич сказал:

– Страх перед грядущим – всё равно что страх перед... — умолк Тимофей Кондратьевич. – ему трудно было ска-

зять что-то. Вымолвить то, что он знал и не мог сказать. —
...страх перед неизбежным грядущем, неотвратимым грядущем
страха сознание человека. — закончил он свою мысль.

Ефимия Иннокентьевна поинтересовалась:

— Вам страшно, Тимофей Кондратьевич.

— Я никого и ничего не боялся за всю свою жизнь. — признался он. — Не побоюсь и теперь. Я готов встретить свой страх. Страх прошлого — наступающего грядущего. Я тот, кто есть. Я — полисмен — служитель закона российского, — и наложив на себя крестно — знамя, сказал. — Руси-матушки.

— Но человек биться. — сказала Ефимия Иннокентьевна. — Страх — неотъемлемое составляющее — сознание человека. — она сделала двусмысленную паузу. — Так же как и Ваше сознание. — сказала она. — Страх — это сам человек. Человек разумный. — она, снова сделав паузу, сказала. — Только глупец ничего не боится. Только глупец.

— Или безумец. — дополнила Ира. — В безумстве — человеческая гибель. Ведь не безумен ли тот кто ведёт кого бы то ни было на верную смерть ради своих превышенных амбиций. Ради своего честолюбия. Ради своего принципа. Идут. Да ещё стоят в стороне, глядя, как ради них — этих людей погибают невинные люди. — сделав горькую паузу, Ира сказала. — В бедующем так и будет.

— Может быть, так оно и будет. — согласился провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич с обеими женщинами. — Но Вы живём в данный момент не в будущем, а в

настоящем для Вас прошлом. – сказал он. – И вряд ли грядущее пересечётся с прошлым, не минуя настоящего. – сказал он. – Здесь, в моём времени – настоящем, а не грядущем Вы, Ира и Ефимия Иннокентьевна волей судьбы попали из далёкого будущего в моё настоящее. В этом Вы меня убедили. Что ж, пусть будет так. – согласился он. – Человек любит преувеличивать, а уж женщины. – усмехнулся он. – Вам уж палец в рот не клади, весь откусите и убедите, что так и было.

– Вы нам не верите! – тотчас же синхронно воскликнули две женщины. Казалось, что они были возмущены. – Вы считаете, что мы врушки?

– Нет. – сказал Тимофей Кондратьевич. – Просто человек хочет преувеличить свой рассказ. – сказал он. – женщинам это удаётся лучше, чем кому бы то ни было ещё. – он сделал паузу, затем сказал. – Но нет таких случаев в моей практике, чтобы я ни поймал преступника, а лучше преступницу. – снова сделав паузу, он закончил. – Как бы изощрён своею лживостью ни был мозг женщины или мужчины, на выдумки горазд, мой мозг гораздо дальновиден, чем у Вас женщин, и изощрён своим коварством выведения преступников на чистую воду, заставляя их, признаться...

– В чём признаться? – перебила его Ира. – В своей глупости. Ведь только глупый человек способен сказать то, что сказали только что Вы нам двум очаровательным дамам. – Ира сделала паузу и словно бросила. – Вы тупы как сибирские валенки. Вы до сих пор не можете сказать, кто убил на-

дворного советника Роберт Карловича. А уже целых три дня прошло, а Вы из кабинета своего не вылезаете.

– Как три дня? – не понимал провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич. – убийство произошло только вчера.

– Нет, Вы ошибаетесь. – сказала Ира. – прошли уже три дня. – Три долгих дня.

В кабинет провинциального секретаря Тимофей Кондратьевича вошла женщина. Тот тотчас же узнал её.

– Вы? – удивился провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич. – Ей-богу ежели Вам хватило смелости пожаловать в мой кабинет. – пауза. – Что ни говори, а безнаказанности Вам не ведать. Эй там, кто есть? Где Митрофан? Где все? – не понимал он, и словно приказывая самому себе, прикрикнул. – Арестовать. – затем он сделал вывод. – Она и есть убийца. – утвердил он.

– День идёт – день за днём. Час за часом – стрелка большая – быстрая, за медленной – малой идёт, секундная – большая бежит, или всё наоборот. – сказала вошедшая в кабинет женщина.

– Что? – не понял Тимофей Кондратьевич. – Вы это к чему?

– Сон, и боле ничего, в прекрасном наслаждении души. Иль в ужасе грядущего страха человека. Кто здесь охотник? Кто здесь дичь? Вопрос, на который нет ответа.

– Я Вас, Раиса Потаповна, не понимаю! Что делаете Вы

здесь? Вы должны быть в бегах. Ведь Вы убийца.

– Кто сказал?

– Неопровержимые доказательства.

– Какие? – усмехается. – Уверенность в том, что человек виновен, ничто, ежели он виновен.

– Что? – Сильвестр Аристархович Плюм. Виновен он, иль нет? Без доказательств или с фабрикованными доказательствами, как угодно, Вы его на каторгу отправили. Так где ж закон, хочу спросить я Вас. Где доказательства вины? А Вы, а Вы, а Вы. А Вы на каторгу его услали, не доказав его вины. Так кто ж преступник?

– Кто же Вы?

– Я дочь убиенной Лидии Потаповны, матери моей. Чудовищем из другого мира. – смотрит на Иру. – Отпрыск его в её чреве живёт. – показывает рукой на Иру. – Скоро война всех нас ждёт. Великая война народов.

– Бред, и боле ничего.

– Разве? Под личиной овцы волк живёт.

– Кто этот волк?

– Она, Ира.

Ира возмущённо.

– Что за бред? Вы думаете, что говорите.

– Ни Вы, — показывает рукой на Ефимию Иннокентьевну, — она – монстр. В ней живёт совсем ни то, что Вы видите сейчас. И хотя тело её одно, внутри она другая. То, что в Вас сейчас живёт. Та сущность не из мира сего. – снова смотрит

на Иру. – В утробе Ваш плод созревает – он растёт. И скоро на свет он выйдет, и много горе принесёт.

Ефимия Иннокентьевна, неистова воскликнула.

– Это ложь! Я чиста, как сам цветок, и во мне нет ничего дурного. Я женщина – подруга Иры. И мне прошу не говорить, что во мне что-то не так. Во мне всё так, как и должно быть у женщины. И не побоюсь стыда раздеться сейчас до нага, чтобы Вы убедились, что я женщина, а не существо, за которое Вы принимаете меня. – неистовала она, рвала и метала оскорблённое женщина.

Бросившись успокаивать её, Ира сказала Раисе, словно упрекая её в чём-то.

– Я беременно – ни она. Все вопросы извольте задать мне, а её оставьте в покое. – Тогда Ира, я задам вопрос Вам: как получилось, что Вы забеременели от Диметрио? Вы что, ложились с ним в постель? Но он бесплоден, и ему нужно тело, чтобы разделить кровать.

Ефимия Иннокентьевна напомнила:

– Тут мужчина.

Ира уточнила:

– Тимофей Кондратьевич по должности своей слушает и ни такое.

Тот подтвердил:

– Это верно. – затем словно ничего не происходило, сказал. – Продолжайте.

Раиса Потаповна сказала:

– Мне потребовалось немало времени, чтобы закончить то, что мне предстояло сделать, и я уже у цели. – Она посмотрела однозначным взглядом на провинциального секретаря Тимофей Кондратьевича, и поняв, что тот её понял, сказала. – Цель достигнута, теперь я знаю всё.

– Что всё? – не понимал Тимофей Кондратьевич. – Извините, но я не понимаю. – затем он, словно приободрившись, что было мочи рявкнул. – Да вообще, что тут, чёрт побери, происходит? – затем он спросил. – Вы обвиняете меня? Но в чём? – не понимал Тимофей Кондратьевич. – В чём Вы обвиняете меня? – затем он жёстко сказал. – Всё, что я делал, я делал на благо России и государь-император, и если в чём-либо винить меня, то не в Вашей это власти, потому что, только я сам себя могу винить за то что делал. А делал я всё в рамках закона и во благо России-матушки.

– Вы правы, Тимофей Кондратьевич. – согласилась с ним Раиса Потаповна. – Что ни говори, а все мы живущие в России люди служим ей также, как служим ей мы все присутствующие здесь. – она сделала паузу, и с грустинкой произнесла. – Жаль, что не все люди понимают это. – она, снова сделав паузу, сказала. – Порой люди не могут ценить то, что они не хотят иметь, и поклоняются тому, что прельщает больше всего, но это иметь они никогда не смогут.

– Это Вы к чему? – не понял провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич.

– Это я о том, — начала Раиса Потаповна, — что многие

из людей хотят лучшей жизни. Ищут что-то всю свою жизнь. А счастье рядом. Вот оно. И поняв это, мы обретём покой и счастье.

– С этим я с Вами согласен. Но скажете, зачем Вы здесь? И что происходит на самом деле?

– А Вы не понимаете? – спросила его Раиса Потаповна. – Что ж, — сказала она, — может быть это и лучше. Ведь поняв, что происходит, Вы, Тимофей Кондратьевич, ужаснётесь тому, что произошло.

Не понимая, что Раиса Потаповна имела в виду, Тимофей Кондратьевич сказал:

– А что произошло. Ничего особенного. Просто преступник явился с повинной.

– Вы в этом уверены?

– Абсолютно Раиса Потаповна. Вы убили свою мать, а затем и Роберт Карловича.

– И затем мне убивать их? Тем более мать. – Вы мне об этом скажите, а я послушаю Вашу историю. – он сделал паузу. – Знаете, преступники порой рассказывают придуманные ими самими занимательные истории. – затем он иронично подчеркнул. – Никак прямо как сочинитель. Только у сочинителей этих истории похожи, только законного наказания избежать, и всё тут.

– Мы с Вами согласны. – сказала Ира. – Сочинителей на Руси хоть пруд пруди – всё равно мало будет.

– Вот видите, – утвердил провинциальный секретарь Ти-

мофей Кондратьевич, – Вы со мной согласились. – затем он утвердил. – Значит, я прав.

– В этом да. – подчеркнула Ира. – Вы правы. – затем она сказала. – Но в другом Вы ошибаетесь. Ни Раиса Потаповна совершила все эти преступления.

– А кто же?

– Вы хотите это знать?

– Вы как мне сказали, Вы детектив. Рассказываете, что и как? – Что ж, — сказала Ира. – Мы с радостью поведаем Вам, кто и зачем это устроил. Но давайте выйдем на улицу. Солнцу уже взошло, пора выйти из полицейского участка на улицу, пройтись по дороге под лучами раннего солнечного света к дому Раисы Потаповны, в котором произошла смерть её матери, Лидии Потаповны.

– Если это поможет делу, то давайте пройдемся.

Тимофей Кондратьевич согласился. Они вышли на улицу, и медленным шагом пошли в дом, где когда-то жила Лидия Потаповна.

Глава 48 Поучение матушки дочери

Автор: – Итак, что дальше? Что дальше? Этот вопрос всегда волновал людей. «Что дальше?» — этот вопрос мучил Елену Кузьминичну, которая внимательно слушала свою матушку Любовь Романовну. Что ни говори, а что далее, это нечто иное, как сомнения человека.

Сомнение героя – это сомнение писателя, придумавшего своего героя, а значит, сомнение самого человека. Говорят, что женщина меньше сомневается за свои поступки, чем мужчины. Вряд ли это так. Во всяком случае посмотрим, что же дальше?

– Сомнение героя Тимофея Кондратьевича, это что, сомнение его реальности, воспринимаемой нереальной реальности, его сомнений? – спрашивала Елена Кузьминична у Любви Романовны. – Что на самом деле происходило с ним?

Любовь Романовна, посмотрев на Елену Кузьминичну, легонько улыбнулась.

«Глупая моя девочка. – думала она про себя. – Молода, ещё совсем глупенькая». – А сама не догадалась? – спрашивала она её. – Это так просто.

– Возможно. – согласилась Елена Кузьминична. – Это просто только для тех, кто пишет истории. «Они знают, что и

как», — она сделала паузу и сказала. — Если бы эту историю писала я, то знала б, что и как. — затем она уточнила. — Но мы пишем её вместе, и я тоже приложила перо к этой истории. Так что извините, маменька, — развела она руками, — я не могу понять героя этой истории. — она сделала однозначную паузу. — Кто этот герой? Чем доподлинно он дышит? Что он хочет? Это знает только автор истории героя, которую или которые они пишут.

Выслушав Елену Кузьминичну, Любовь Романовна поправила.

— Пишут художники, писатели сочиняют. — она сделала паузу, сказала. — Хотя, — бросила она небрежно, — писать и сочинять — это одно и то же. — она снова сделала паузу и затем сказала. — Но порой сочинять в жизни гораздо сложнее, чем сочинять на бумаге. Бумага всё стерпит, а человек... — запнулась она. — Человек стерпит многое, но не всё. Есть предел человеческого предела — его терпение. Когда оно иссекается, то он способен на всё, — она сделала тихую паузу, и затем тихо добавила. — На всё, даже на... — запнулась она. — Невозможное — его есть человеческий предел невозможного. Невозможного, на которое способен только сам человек.

Елена Кузьминична затаив дыхание слушала свою матушку. Она понимала, что Любовь Романовна права. Человек — ничто, человек — всё. Он монстр и ласков. Доведя его до бешенства, он способен на всё. Ведь загнанный в угол зверь или попавший в капкан, он делает всё что угодно, чтобы

освободиться из капкана. Грызёт свою лапу, нападает на нападавших, загнанными его в капкан.

Вы спросите при чём здесь эта история? Ведь сочинительство Любовь Романовны никак не было связано со зверем, загнанным в угол. При чём здесь провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич, и герои этой истории.

Что есть предел человека? На этот вопрос нет однозначного ответа, как нет его и у Елены Кузьминичны на вопрос, невозможное, не было у Елены Кузьминичны ответа.

– Сочинять не надо. – неожиданно сказала Елена Кузьминична. – Истории вокруг нас. – сказала она. Затем сделала паузу. – Надо только увидеть их вокруг себя. Я понимаю, эти истории не только о Вас, маменька, но и о других людях. Людях, которые так или иначе, были свидетелями этих историй, и не только.

Автор: – Говорят, что все истории похожи, я же так не считаю. Все истории разные, но одно их связывает это измена и предательства. Кто знает, предал ли провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич Россию или нет? Может быть, он никогда не думал предавать, а всё же предал. Может быть, предательство было во имя благо? Кто знает? Кто знает, что есть предательство? Предательство — это измена, а измена — это предательство? А может быть, это разные вещи? Ведь изменить и предать — два совершенно разных понятий. 1) Предать кого-либо в чём-

либо. 2) Изменить чему-либо в чём-либо. Всё абстрактно, непостижимо. Закономерно. Закономерность заключается в том, что нет определённого понятие между предательством и изменой. Если изменил человек, то он предал. Такой менталитет людей по всему земному шару. Но ежели это ни так. Ежели менталитет людей ошибается, что тогда?

– Я никогда этого не скрывала. – сказала Любовь Романовна. – Да и Вы, Елена Кузьминична, всегда знали это.

– Знала. – тихо сказала та, глядя на матушку. – Герои этой истории — это герои Вашей жизни. Впрочем, Вы уже это мне говорили. – она, сделав паузу, спросила. – А что произошло дальше с провинциальным секретарём Тимофеем Кондратьевичем? – она сделала паузу и спросила. – Что он обнаружил в доме Лидии Потаповны? Ведь он уже там был. – Заглянув ещё раз в этот дом, Тимофей Кондратьевич, он же провинциальный секретарь не знал, что там он обнаружит? – сказала она. – Он думал, что в нём ничего нет. «Но он ошибался», — сказала Любовь Романовна Елене Кузьминичны, — дом оказался *plein de mysticisme et d'horreur*. – сказала она по-французски, что означает, полон мистики и ужасов. – Почему ужасов? – задала она сама себе и в то же время своей дочери этот вопрос, и тотчас же найдя на него ответ, сказала. – Да потому что, подойдя к этому дому, герои этой истории почувствовали какой-то необъяснимый страх. Подойдя к двери, они почувствовали, как кто-то или что-то словно

отталкивал их от двери, не желая, чтобы кто-либо открыл её, и вошёл в помещение. В какой-то момент какая-то неведомая сила заставила оглянуться героев этой истории, и они увидели: напротив входа у столба сидел прокажённый. Он смотрел на дверь Лидии Потаповны, показывая на неё правой рукой, и что-то мычал. Невозможно было понять, что мычал этот прокажённый. Что он хотел сказать.

– Он. – тихо сказал Митрофан. – Прокажённый.

– Диметрио. – сказал провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич. Он посмотрел на Иру и сказал. – Он есть отец.

Ира смотрела на Тимофея Кондратьевича тупым, непонимающим взглядом. Что ни говори, а что говори – это нельзя сказать определённо. Даже уточнить то, что нельзя уточнить – это не что иное, как непонимание. Растерянность перед... перед чем растерянность? Растерянность перед... перед чем? Перед собой? Или перед кем-либо ещё? Неловкая ситуация, не правда ли?

Сейчас смотря на этого прокажённого все смотрящие на него, не могли понять, что он бормочет? Что он мычит в нос. Тупо смотрящая на него Ефимия Иннокентьевна не могла понять, как, каким образом случилось то, что случилось. Произошло неизбежное. И к тому же она сама согласилась впустить в себя эту сущность, чтобы защитить её от горестей и страданий.

«Что вообще произошло со мной? – думала она про себя.

– Как я могла не усмотреть то, что было очевидно с самого начала. Прокажённый. Человек, отвергнутый всем обществом. Его никто не замечает. Его просто нет на свете. Чем неидеальное убежище для убийцы. Монстра с другой планеты. Ведь только безжалостный монстр способен убить, а человек – никогда».

И тут, словно по волшебству, прокажённый переместился словно ветер и оказался перед дверью дома Лидии Потаповны. Открыв дверь, он тотчас же словно влетел в неё, оставив её открытую. Казалось, что прокажённый оставил открытую её намеренно, словно приглашая их вовнутрь.

В это самое время они поняли, что город, который они знали, не было. Вместо него они видели стоящие дома, занесённые, откуда ни возьмись белым песком. Песком, которым заполнена вся пустыня Сахары. Вообще-то, пустыня славится своими миражами, но это был не мираж, а возникшая перед ними Самум не был миражом, он был реален. Словно кто-то или что-то хотело, чтобы они вошли в дом, не оставляя никому из них шагов для отступления.

В это самое время Раиса Потаповна сказала:

– Хачим мы или нет, нам придётся зайти в дом. – затем она сказала. – Поверьте мне, я это так же хочу, как и Вы хотите войти вовнутрь, но другого выхода у нас нет. Смотрите песок всё ближе и ближе. Этот песчаный ураган – наша смерть. Так что...

– Это лишь чья та хитрая уловка. – сказал провинциаль-

ный секретарь Тимофей Кондратьевич. – Кто-то или что-то хочет заставить поверить нас в безвыходности этой ситуации. Поверьте мне, провинциальному секретарю, безвыходной ситуации не бывает.

Раиса Потаповна спросила:

– И что же Вы, Тимофей Кондратьевич, предлагаете?

На этот вопрос у провинциального секретаря Тимофей Кондратьевича не было ответа. Что ни говори, а принять мгновенное и безошибочное решение в данной ситуации это было не достаточно проблематично, а просто невозможно.

– Чёрт побери! – выругался провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич видя, что к его глубокому разочарованию, что песчаная буря, то есть Самум всё ближе и ближе словно подходил к героям этой истории, заставляя их войти в дом и не давая им шанса на другое решение этой критической для всех них ситуации. – Ладно, в дом! – кричал провинциальный секретарь Тимофей Кондратьевич. – В дом! В дом! В дом!

На этих строках Любовь Романовна отложила перо в сторону, и, посмотрев на дочь, сказала:

– Наш роман скоро закончится. Вот-вот всем будет ясно, кто убийца?

Елена Кузьминична спросила:

– Разве это не прокажённый? Разве это ни Диметрио?

– Он или нет, — неоднозначно сказала Любовь Романов-

на. — Это сейчас неважно.

Немного задумавшись, Елена Кузьминична спросила:

— А что же важно, ежели ни это?

— Важно иное. — тихо сказала Любовь Романовна, а Елена Кузьминична спросила:

— Тогда что же?

— А Вы как думаете? — поинтересовалась Любовь Романовна у Елены Кузьминичны. Как любая мать и как женщина гораздо старше Елены Кузьминичны, она знала ответ на этот вопрос. Знала не потому, что была старше и как ей казалась опытней Елены Кузьминичны. Она знала его, потому что сама писала эту историю. Но знала ли её дочь Елена Кузьминична ответ на этот вопрос. Впрочем, кто знает, кто знает.

И вот комната в доме Лидии Потаповны. Все те же герои, все те же, что есть. Стол — кресло, за столом сидит Лидия Потаповна. Сидит и пишет что-то на бумаге пером обмакнутым в чернила, и курила трупку.

Тишина. Кто знает, что сейчас произойдёт? И вот чья-то тень вошла в кабинет, и сумрак, холод наступил. Кто-то в плаще, на голове чёрный капюшон. Лица не видно. Кто это был, неясно.

Лидия Потаповна отложила перо в сторону, и, сделав очередную затяжку, выдохнув из лёгких дым, посмотрела на пришедшего. Её лицо побледнело. На неё смотрели ало-яркие глаза. Что она видела в них, этого никто из присутствующих

ющих не видел.

Что-то не довело им покоя. Они что-то чувствовали. Что-то, что их страшила. Что? Это никто из них не знал. Все только чувствовали, что кто-то словно наблюдал за ними.

И вот, в какой-то момент дверь кабинета открылась, и в кабинет вошла некая дама. На ней было надето платье последней парижской моды. На голове шляпа с вуалью, закрывающее лицо. Никто не знал, кто эта женщина: – «Кто она такая? – задавали все сами себе и друг другу этот вопрос. – Кто эта женщина? Кто она?». – Никто этого не знал.

– Здравствуйте, Лидия Потаповна. – поздоровалась незнакомка. – Что ни говори, Лидия Потаповна, — продолжала говорить женщина, — всегда не знаешь, что произойдёт в следующую секунду.

– Это Вы о чём? – не поняла Лидия Потаповна, а затем поинтересовалась. – Кто Вы такая?

Незнакомка поинтересовалась:

– А Вы не узнаете?

– Как я могу Вас узнать? – спросила Лидия Потаповна и небрежно бросила. – На Вас же вуаль.

– Меня зовут... — тут женщина запнулась. Со стороны казалось, что она ни хотела говорить своё имя. Не хотела представляться, кто она такая есть на самом деле. – Кто я такая? Это не важно. – сказала она резко. – Как меня зовут, это не так важно, как может это показаться на самом деле. – она, сделав однозначную паузу, сказала. – Я та сущность, кото-

рую Вы хотите видеть. – затем она сняла вуаль и открыла своё лицо. – Я есть Марья Потапова – жена присутствующего здесь купца первой гильдии Фадей Платоновича Шульца. – она снова сделала паузу и продолжила. – Мы здесь потому, что всё кончено.

– Что всё кончено? – спросила Лидия Потаповна не понимая, о чём говорит эта женщина-призрак, пришедшая с призракам в плаще с закрытым лицом капюшоном. – Я не понимаю?

– Я понимаю, что Вы не понимаете, Лидия Потаповна. – сказала пришедшая к Лидии Потаповны женщина-призрак Марьи Потаповны. – Понимание это ни то, что можно понять, это то, что можно обосновать.

– Что же я, по-Вашему, должна обосновать? – не понимала Лидия Потаповна. – По-моему, обосновать ничего нельзя потому, что обосновать та нечего. – Вы ошибаетесь, — сказала женщина-призрак Марьи Потаповны, — обосновать есть что.

– Что же? – не понимала Лидия Потаповна. – Что можно обосновать мне, когда обосновать нечего?

– Разве? – спросила Марья Потапова. – Обоснование – есть нечто иное, как истина того, что нельзя понять, или решение того, что нужно доказать.

– Это так. – согласилась Лидия Потаповна. Затем поинтересовалась. – Я-то тут при чём, а?

– Причём. – сказал чей-то голос из-под капюшона чёрного

плаща. – Вы не поднимете, хотя Вы уже много знаете.

Лидия Потаповна заметила:

– Но не всё.

На что чей-то голос из-под капюшона однозначно заявил:

– ВСЁ ЗНАТЬ НЕЛЬЗЯ.

На что Лидия Потаповна заявила:

– Non, vous pouvez tout savoir!¹ Нет, знать можно всё!

– Вы ошибаетесь. – сказала Марья Потапова. – Если человек знает всё, то он ничего не знает.

– Вы это о чём?

– Обо всём.

– Обо всём, это о чём?

– Вы знаете, о чём я.

– Никто не знает.

– Вот именно и нечего спорить.

– Я поняла.

– Я не сомневалась.

– Я тоже не сомневался.

Лидия Потаповна закуривает трубку.

– Зачем Вы пришли ко мне?

Марья Потапова сказала:

– Предупредить.

– Предупредить, о чём?

Призрак в Капюшоне сказал:

– Партия разыграна, финал уж скоро. Капкан уж сделан, и поставлен он. В него попадётся он.

Лидия Потаповна возмущённо:

– Вы что несёте? Я не приманка, и не капкан.

– Ошибка. Приманка все люди, а капкан то, что они хотят.

– И что же это?

– Ничто, а кто.

– Кто?

Марья Потаповна спросила:

– Надворный советник Роберт Карлович – это Ваша цель.

– Кто он?

– Демон – из преисподней. Его зовут Диметрио. Это его настоящее имя.

– А Роберт Карлович?

– Он лишь тело. Тело, которое надругалось над некой Ирой и дав ей семя, оплодотворил её. Теперь родит она, чего допустить нельзя. Со смертью надворного советника Роберт Карловича умрёт его ребёнок. Но дело не в нём одном, а ещё и в ней.

– В ком?

– В некой женщине, Ефимии Иннокентьевны – подруги Иры. В ней то, что оберегает Ирину беременность.

Тут Лидия Потаповна однозначно заявила:

– Я не убью ребёнка, он без грешен.

– Ребёнок грешен. Рождённый в материнских муках – крови женской плоти новорождённого греха.

– В таком случае все люди грешны при рождении, а в Библии написано: **Кто́ бо сый челове́къъ яко́ бѹдетъ непо-**

рочень? или́ áки б́удущй праведникъ рождёнъ отъ жёнй? ¹ Бытие. гл. 6. ст.5

– Библия — это история мира. – сказал призрак в капюшоне. – Там написано человеческие ошибки за всю историю мироздания. «Там нет их побед», — твёрдо сказал призрак в капюшоне. – Только их поражения.

– А как же поединок между Давидом и Голиафом? – напомнила Лидия Потаповна. – Скажите, что в этой истории тоже написано поражение? – она сделала паузу. – Я так не считаю.

– Что же это получается? – удивлённо спросила Елена Кузьминична у Любви Романовны. – Ей-богу, по-Вашему, вся история христианства — это один и большой обман.

– Нет. – ответила Любовь Романовна. – Это ни так.

– А как же? – поинтересовалась Елена Кузьминична.

– Это ни так.

– Тогда как? – спросила Елена Кузьминична. – Я Вас, маменька, не понимаю.

– Извольте, я поясню. – сказала Любовь Романовна. – Дело в том, — начала она, — что так или иначе будь то Библия, Тора или Коран. В них описаны события, которые так или иначе повлияли на жизнь на земле – истребления целых народов. – она сделала однозначную паузу. – То есть. – твёрдо сказала она. – по своей сути в этих трёх книгах описаны войны, которые так или иначе были на земле. Конечно.

– согласилась Любовь Романовна. – В этих трёх книгах описаны и победы добро над злом. К примеру, как Вы уже упомянули, битва Давида и Голиафа. – она сделала упреждающую паузу. – Разве победа над злом, описанная в этих трёх из книг не, поражение народа над самим собой. – сказала она. – Его превосходство над собой неминуемо приводит к его поражению. – она снова сделала паузу. – В священных книгах написано в бытие следующее: Бог призвал Авраама принести своего любимого сына Исаака «во всеожжение» «в земле Моисея», «на одной из гор». Ошеломлённый Авраам повиновался. На третий день пути Авраам с Исааком взошли на указанное Богом место. Придя на место, Авраам «устроил жертвенник», связал Исаака (отсюда традиционное еврейское название истории), «положил его на жертвенник поверх дров» и уже занёс над ним нож (поскольку жертву, приносимую Богу во всеожжение, следовало сначала заколоть, а затем сжечь), когда ангел воззвал к нему с неба: Авраам! Авраам! Не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего, ибо теперь. Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня. – она снова сделала паузу. – Не убивай это шестая заповедь Ветхого Завета Моисея. – она, снова сделав паузу, с сожалением сказала. – Жаль что это, и остальные девять заповедей ни так чтутся как должны были быть.

Заповеди Моисея

1

Почитай Бога и одному Ему служи

2

Не сотвори себе кумира

3

Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно

4

Помни день субботний

5

Почитай отца твоего и мать

6

Не убивай

7

Не прелюбодействуй

8

Не кради

9

Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего

10

Не желай ничего, что у ближнего твоего

– Это так. – согласилась Елена Кузьминична, тяжело вздыхая. – Люди убивают друг друга. – она помрачнела. На её сердце было тяжело. Казалось, что на нём весит пуд веса, иль даже больше. – Убивают, не понимая всю трагичность последствий – их жестокую необратимость.

Тут Любовь Романовна неожиданно поинтересовалась:

– Знаете ли Вы десять заповедей Моисея? – Знаю. – твёрдо ответила Елена Кузьминична. – Как же не знать, конечно знаю.

– И можете мне их назвать в том порядке, как они написаны?

Елена Кузьминична твёрдо ответила:

– Могу.

– Что ж, — чуть-чуть с небольшой иронией, но в то же время с твёрдой уверенностью в том что её дочь знает ответ на этот столь лёгкий и в то же время достаточный сложный вопрос. Ведь заповеди знают многие, а по их порядку едини-

цы. А может быть, только монахи и прочие служители культуры, да и то ни все, — извольте говорить. — сказала её матушка. — Я Вас слушаю.

Итак, Елена Кузьминична начала перечислять заповеди божии — Моисея на горе Синай, коя находится в Египте.

— Почитай Бога и отца своего. — сказала Елена Кузьминична. — Не произноси имя Господа Бога всуе.

— Стоп. Стоп. Стоп. — тотчас же перебила Любовь Романовна Елену Кузьминичну. — Что ни говори, а Библию Вы, Елена Кузьминична, не так часто берёте в руки. — она сделала упреждающую паузу. — Что ж, — сказала она. — Слушайте, как они звучат по порядку — без сокращений и искажения их текста. — она, снова сделав паузу, продолжала. — Заповедь ПЕРВАЯ: почитай Бога и одному. Ему служи. — начала она перечислять заповеди божии. — ВТОРАЯ: не сотвори себе кумира. ТРЕТЬЯ: не произноси имени Господа Бога твоего напрасно. Четвёртая: помни день субботний. Пятая: почитай отца твоего и мать. Шестая: не убивай. Седьмая: не прелюбодействуй. Восьмая: не кради. «Девятая: не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего». — затем она сказала. — И наконец, заповедь, как я считаю, самая важная не только в десяти заповедях Моисея, но и по своей значимости в жизни так каковой. — Это что за заповедь? А Вы, Елена Кузьминична, не знаете? Елена Кузьминична на секунду задумавшись, сказала:

— Не знаю.

– Но я девять заповедей перечислила, осталась одна. Вспоминайте.

Елена Кузьминична напрягла память, но кроме романа, который лежал на столе больше ничего в её памяти, не было.

– Мне стыдно признаться, — призналась Елена Кузьминична, но я не могу вспомнить. — затем она призналась. — Кроме романа сейчас у меня в голове никаких мыслей нет.

– Что ж, — понимающе сказала Любовь Романовна, — по правде говоря, я тоже ни о чём не могу думать, кроме романа. — она сделала паузу. — И всё-таки, заповеди помнить надо бы. Они всегда пригодятся в жизни, и не дадут совершить поступок, о котором будешь жалеть всю свою оставшуюся жизнь. — она сделала однозначную паузу, а затем твёрдо сказала. — Заповедь последняя – Десятая: не желай ничего, что у ближнего твоего. — после чего она сказала. Все преступления в жизни происходят из-за того, что человек желает того, что есть у других, а сам иметь не может.

– Это Вы к чему? – не поняла Елена Кузьминична. – Это Вы говорите из жизни или хотите этим сказать, что история, которую мы пишем, также основана на десятой заповеди Моисея? – тут Елена Кузьминична, внимательно посмотрев на Любовь Романовну, словно изучав её, предположила. Нет, она была абсолютно уверена в этом. – Кто-то нарушил десятая заповедь в этой истории. — затем Елена Кузьминична предположила. — Эта Лидия Потаповна.

– Почему Вы так решили?

– Не знаю. – тихо ответила Елена Кузьминична. – Всё ведёт к тому, — сказала она, — в этой запутанной истории виноват тот герой, не кого и не подумаешь. По моему мнению, это и есть Лидия Потаповна.

– Вы так уверены? – спросила Любовь Романовна. – На все сто?

– На все сто? – с долей иронией усмехнулась Елена Кузьминична. – На все сто нельзя быть ни в чём уверенным. – затем она сказала. – Я только предполагаю. Делаю свои выводы из того, от чего можно сделать вывод. А в данном случае окончательный вывод сделать нельзя, только предположения, и только.

– Я с этими доводами я абсолютно согласна. – сказала Любовь Романовна, посмотрев на листы рукописи, лежавший на столе. – Предположение — это не окончательный вариант, который должен был быть. – сказала Любовь Романовна Елене Кузьминичны. – Предположение — это абстрактность грядущего будущего — его предположения окончательного варианта окончание истории или какого-либо дела.

Молчание. Обе женщины смотрели друг на друга. Пытаюсь понять, что дальше? Что дальше произойдёт с героиней Лидии Потаповны, и другими героями этой истории. Сейчас у обеих женщин не было окончательного варианта того, что произойдёт с героями этой истории. Одно они знали точно, судьба Лидии Потаповны была предрешена. Но что с ней случилось? Кто её убил? На эти вопросы у Елены Кузьми-

ничны не было никакого, даже малейшего предположения. Любовь Романовна знала или предполагала развитие этой истории. Она так же, как и её дочь Елена Кузьминична знала что Лидия Потаповна умрёт. Но она также не знала, кто её убьёт и самое главное, за что?

«Что сделала Лидия Потаповна, что к ней пришли два призрака? – думала Елена Кузьминична и не находила на этот вопрос какого-либо ответа. – Чем провинилась или что заделала она, что к ней пришли они?».

Видя, что Елена Кузьминична пребывает в недоумённом раздумье, Любовь Романовна спросила дочь:

– Я вижу, что Вы, Елена Кузьминична, находитесь в сомнениях? – она сделала паузу и сказала. – Вы не можете понять, что произошло с Лидией Потаповной? «Умерла ли она от естественных причин или ей всё-таки помогли перейти в мир иной», — говоря эти последние слова, Любовь Романовна перекрестилась, — в который мы все попадём, рано или поздно. – при этих последних словах у Любви Романовны пробежал по всему телу холодный озноб. Её лицо покрылось холодной пеленой и стало безжизненным и словно ледяному испарению. В какой-то момент она почему-то почувствовала себя на месте героине её истории Лидии Потаповны. Ей показалось, что она находится в той самой комнате, где происходят описанные ею события её истории. Лидия Потаповна сидит в кресле за своим столом. Но это была вовсе не она, ни Лидия Потаповна, а она сама, Любовь Романовна в теле её

героине Лидии Потаповны и при полном полумраке или даже, можно сказать, в темноте, имела разговор с пришедшими по её душу призраками. Любовь Романовна чувствовала, что происходит с ней. Что непонятно каким-либо непонятным образом она оказалась в теле её героине, Лидии Потаповны. И ей стало жутко.

Тем временем смотрящая на свою матушку Любовь Романовну Елена Кузьминична видела её лицо, и ей стало жутко не по себе. Лицо её матушки при этих последних словах у Любви Романовны пробежал по всему телу холодный озноб. Её лицо покрылось холодной пеленой и стало безжизненным – ледяной испариной, и ей стало страшно. По её телу пробежал ледяной озноб. Всё тело стало безжизненно-холодным. А стеклянный безжизненный взгляд Любовь Романовны, смотревший далеко в пустую даль, словно в пустоту, наводил на Елену Кузьминичну неподдельный ужас, страх и недоумение, как такое могло быть? Как могло случиться так, что её матушку Любовь Романовна стала такой. Безжизненной, со стеклянными глазами смотрящие в пустоту.

– Мама! – осторожно спросила свою матушку Любовь Романовну её дочь Елена Кузьминична, и, дотронувшись до её кисти руки, поинтересовалась. – С Вами всё в порядке?

Глава 49 Гости

Итак, тем временем в комнату, где происходила история, писающая Любовь Романовной и её дочерью Елены Кузьминичне. В то самое кресло, в котором сидит Лидия Потаповна, и пришедшем к ней в гости призраками.

Любовь Романовна находилась в теле Лидии Потаповны, и ощущая всё то, что чувствовала Лидия Потаповна, она видела всё происходящее так, словно сама присутствовала здесь, в этой комнате. Сейчас находящейся в той самой комнате, где происходят описанные ею события её истории она видела всё не со стороны, а что называется прямым взглядом, и разговаривала с пришедшими к ней гостями-призраками так, словно это ни Лидия Потаповна, а она сама разговаривала с ними.

О чём же они говорили? Что обсуждали? В чём друг друга убеждали? Об этом мы сейчас узнаем. Расскажет нам об этом сама Любовь Романовна.

Автор: 3

– Что ни говори, а дело приняло такой поворот событий, Что никто не мог сказать наверняка, что дальше? Что дальше будет? Сказать никто не может, Лишь кто и то, и это.

Кто есть кто?

Впрочем, есть то и это, это и то.

А что-то, а что это?

А может это – это то?

Нет ни то, что это есть,

А то что, то, а то, что это-то.

Так что, что то, что это то, а то, что и это-то.

Что ничего, а просто-то.

А это что? Лишь просто это.

Лишь это – больше ничего.

Указ на это лишь это,

И это боле – боле ничего.

Так это что? Не просто что?

А что, то это, просто что?

Ни то ни это, что ни то,

А просто это, то и что.

Вот и всё, что то и это что никто,

А то и это, просто кто?

Великая загадка жизни нашей.

Кто-то и это – и союз.

Местоимение кто,
Это – есть частица,
То – союз,
И, и – союз он тоже есть.

По отдельности – это ничего,
А вместе предложение составить можно.
Как жаль, что часть союза,
Частицы это – местоимение кто.

Как ку и кью, из Кин-дза-дза,
Лишь только Элла Щукина из Ильфа и Петрова.
Три буквы русских шлёт Вам в дар великий,
Мой дар – кто это, то и...

В продолжении многоточия,
Нет конца и нет начала.
Лишь кто и то, и это,
Начнём же всё сначала.

И, прежде чем продолжить, напомним вкратце, что было ранее.

Комната в доме Лидии Потаповны. Все те же герои, всё то же, что есть. Стол — кресло, за столом сидит Лидия Потаповна. Сидит и пишет что-то на бумаге пером, обманутым в чернила, и курила трупку.

Тишина. Кто знает, что сейчас произойдёт? И вот чья-то тень вошла в кабинет, и сумрак, холод наступил. Кто-то в плаще, на голове чёрный капюшон. Лица не видно. Кто это был, неясно.

Лидия Потаповна отложила перо в сторону, и, сделав очередную затяжку, выдохнув из лёгких дым, посмотрела на пришедшего. Её лицо побледнело. На неё смотрели ало-яркие глаза.

Что далее было – разговор. Разговор между Лидии Потаповной и пришедшими к ней двумя призраками. Призракам Марьи Потаповны и купцом первой гильдии по фамилии Шульц Фадей Платонович.

Вот на чём был мною Любовь Романовной прерван их разговор.

Марья Потаповна спросила:

– Надворный советник Роберт Карлович – это Ваша цель.

– Кто он?

– Демон – из преисподней. Его зовут Диметрио. Это его настоящее имя.

– А Роберт Карлович?

– Он лишь тело. Тело, которое надругалось над некой Ирой и дав ей семя, оплодотворил её. Теперь родит она, чего допустить нельзя. Со смертью надворного советника Роберт Карловича умрёт его ребёнок. Но дело не в нём одном, а ещё и в ней.

– В ком?

– В некой женщине, Ефимии Иннокентьевны – подруги Иры. В ней то, что оберегает Ирину беременность.

Тут Лидия Потаповна однозначно заявила:

– Я не убью ребёнка, он без грешен.

– Ребёнок грешен. Рождённый в материнских муках – крови женской плоти новорождённого греха.

– В таком случае все люди грешны при рождении, а в Библии написано: **Ктѡ бо сый челоувѣкъ яко бѹдетъ непорѡченъ? или аки бѹдущій праведникъ рождень отъ жены?** ¹ Бытие. гл. 6. ст.5

– Библия — это история мира. – сказал призрак в капюшоне. – Там написано человеческие ошибки, за всю историю мироздания. «Там нет их побед», — твёрдо сказал призрак в капюшоне. – Только их поражения.

– А как же поединок между Давидом и Голиафом? – напомнила Лидия Потаповна. – Скажите, что в этой истории тоже написано поражение? – она сделала паузу. – Я так не считаю.

– Эта частица истории.

– А кто её написал?

– Бог – не люди. И то, что эти истории о победах и поражениях, это не значит, что эти истории и есть слово божие.

– А как же Новый Завет?

– Истории, пересказанные людьми кто верит в то, что в Библии написано. А написано там то, кто эти истории при-

думал. – А кто, по-Вашему, их придумал?

– Люди. – просто и тихо бросила Лидия Потаповна. – Все эти истории придумали люди. – затем она добавила. – Конечно, из своего личного опыта.

– И что это за опыт? – спросила Марья Потаповна, и Лидия Потаповна тотчас же ответила.

– Опыт сочинительства историй и запись их для истории. На что Лидия Потаповна ответила.

– Кто-то захотел увековечить свои истории и истории других людей и создал одну книгу, которая имеет множества названий. Тора. Коран. Библия. И это ему удалось с лихвой.

– Во что Вы верите? – спросила Марья Потаповна, и та Лидия Потаповна ответила:

– Я верю только в себя. – она, сделав паузу, добавила. Помоги себе сам – это мой постулат. А надежда на кого-либо или на что-либо – это не для меня.

– Но надежда и вера — это два разных понятия.

– Для кого как, — не однозначно сказала Лидия Потаповна. – Для кого как.

– Что же такое вера для Вас? – спросила Марья Потаповна. – Что для Вас значит это слово?

– Ничего. – ответила Лидия Потаповна. – Вера для всех разная. Для меня вера — это вера в то, во что я верю, а не в то, что веруют все. Не Вам мне говорить, что вера – есть вера. Вера многозначна, и также она едина. Для каждого своя – вера в справедливость жизни, которой нет и никогда не

будет на свете этой веры. Вот что для меня, значит, вера. Больше ничего я не скажу. Да Вы сами знаете наверно, иль не пришли ко мне.

Пришедшие переглянулись меж собой. Вера – понятие относительное, и они это знали лучше, чем кто бы то ни был.

– Что ж, — сказал призрак в чёрной мантии с покрытым на голове капюшоном, — мы поняли Вас. Теперь нам всё понятно. Мы не упрекаем Вас в том, что у Вас, Лидия Потаповна, своя вера. Вера — это понятие относительное. Человек верит во всё, во что можно верить, и не задумывается, почему порой вера в надежду призрачны. – он сделал паузу, словно подбирая слова. – Призрачны как...

Не успел он закончить фразу, как Лидия Потаповна горько произнесла:

– Если бы Вы, если на моём месте. Если бы Вы прожили мою жизнь. Если бы Вы потеряли то, что потеряла я. Если бы... — «а что, собственно, если бы? – задумалась Лидия Потаповна. – время не повернёшь вспять. Оно летит, и его не поймаешь». Подумав об этом, она сказала. – можно было вернуть время, и снова ощутить себя молодой и здоровой женщиной, а не разваленной в этом кресле поддерживающую свою жизнь морфием. Если бы... — мечтала она. – Возможно, мои приоритеты поменялись бы, и вера тоже.

Марья Потаповна удивлённо спросила:

– Значит, Вы вот так просто можете сменить Вашу веру?
– Я верю в то, что я одна. Я верю в то, что моя дочь дав-

но умерла. Остался лишь портрет. И кто бы ни спросил меня, я всегда отвечаю: на портрете я. Но это ни так. Моя дочь давно умерла. Я убедила себя, что это не так, но это так. – она сделала паузу и спросила. – так скажите мне, какая вера у меня должна быть, если дочь забрали у меня. Её звали Ира. – она показала рукой на висящий на стене портрет, и сказала. – Вот, это я. – затем она посмотрела на призраков и спрашивала их. – Скажите, кто мне её вернёт? Кто?! – затем она неистова выкрикнула. – **УБИРАЙТЕСЬ!** – её лицо было похоже на звериные глаза горели ало неистовым пламенем, и она, указав рукой на дверь, крикнула, что было мочи. – **ВОН!**

– Что ж, — сказал призрак Марьи Потаповны. – я вижу нам тут не рады. – она, сделав паузу, посмотрела на портрет висящей на стене. – Я узнаю этот портрет. – сказала она. Портрет, написанный маслом. – Марья Потаповна, сделав паузу, сказала. – Эту женщину зовут Ира – Вздор! – выкрикнула Лидия Потаповна. – Никакой Иры или кого бы то ни было я не знаю. Это я. – однозначно утвердила Лидия Потаповна. – Это я, и никто более. – после чего Лидия Потаповна ещё и ещё раз крикнула. – **ЭТО Я, Я, Я!**

И тут, в этот самый миг женщина-призрак испарилась. Она словно растаяла в небытии, словно её не было здесь вообще. Тем временем оставшийся в комнате в чёрной мантии призрак, тихо сказал:

– Вера. Что может быть лучше чем сама вера. Веера во чтобы-то небыло. Вера в лучшее бедующее, даже если оно

никогда не наступит. Люди много раз попрекали веру, и к чему это привело. Последняя война с наполеоном дала им хороший урок. Они верили в свою победу – непобедимость французской армии в целом и к чему это привело. Тысячи убитых, и тысячи взятых в плен не могут сказать однозначно, что их вера помогла им в их победе в завоевании всей Европы. – он сделал однозначную паузу. – Нет. – сказал он. – Их вера им не помогла. – он снова сделал паузу. – Вот и Вам вера. Где она – вера. – он протянул ей свою руку, но её не было видно из-под чёрной мантии. Лишь кости кисти руки запястий, пястей, и фаланговые кости когда-то бывших рук. – Возьмите мою руку. – сказал он. – Не бойтесь. Я покажу.

– Что Вы мне покажите? – не понимала Лидия Потаповна.

– Что Вы можете мне показать? – Ни что, — сказал призрак, — а правильней будет спросить, кого я хочу Вам показать?

– Хорошо, кого Вы хотите мне показать?

– Вашу дочь. – сказал призрак. – Дочь, коя ждёт, когда Вы напишете ей письмо.

– У меня нет дочери. – однозначно заявила Лидия Потаповна. – Писать мне некому.

– Вы ошибаетесь. – сказал призрак. – У Вас нет дочери.

– Нет, есть. – продолжал утверждать призрак. – Её зовут Раиса...

– Заткнись! – неистова крикнула Лидия Потаповна, схватившись обеими ладонями за голову. – Я этого не вынесу. – после чего она стрельнула взглядом на призрака, и сделав

звериное выражение лица, оскалив свою улыбку и, сверкнув глазами словно из них, вырвался огненный алое пламя, что было мочи она крикнула, утверждая. – У меня нет дочери. Она умерла. Умерла, и всё тут. Ясно кто бы Вы ни были, чёрт или ангел. Её нет. Она мертва, и точка.

В эту самую секунду Любовь Романовна очнулась. Она словно вышла из комы, в которой на какое-то время погрузилось её сознание. Ничего не понимая она посмотрела на рукопись, — она была написана. Написана так, словно она писала эту рукопись своею рукою. И не просто её рукою, а её пером, которое она держала в правой руке.

В тот же самый миг она написала следующие строки.

- Здесь надо понять, почему Лидия Потаповна отреклась от своего ребёнка. Вряд ли кто-либо это поймёт. Никто не поймёт, если сама Лидия Потаповна об этом не скажет. А скажет ли она – вряд ли.

Но не беспокойтесь, по неким обстоятельствам моей жизни я знаю эту историю, и в дальнейшем я её Вам поведаю.

Испуганная Елена Кузьминична, озабоченная состоянием своей матушки, поспешила спросить:

– С Вами всё в порядке?

– Да. – тихо сказала Любовь Романовна, тупо смотря на

свою дочь. – Я как будто бы в порядке.

Конечно, с Любови Романовной не было ничего в порядке. Она не понимала, что и как? Где она была? И была ли она там на самом деле в той комнате, в теле своей героине Лидии Потаповны. Но может быть, это был просто сон? Она на секунду задремала и пребывала в таком состоянии какое-то время.

– Как будто бы? – спросила Елена Кузьминична. – Или в порядке?

Чтоб не расстраивать свою дочь, Любовь Романовна сказала:

– В порядке. – затем она спросила. – Ну как сюжет? – не помня наверняка, что она написала в действительности, Любовь Романовна осторожно спросила. – Всё понятно?

Не зная, что ответить. Понимая, что Любовь Романовна, очевидно ничего не помнит. Не помнит, что происходило с ней, пока она была в полном астральном отключении своего сознания – его переноса в некое своё подсознание. Подсознание, в котором родилась Лидия Потаповна. Елена Кузьминична спросила.

– Мама? Я не понимаю. Почему Лидия Потаповна не признавала свою дочь? Она же её дочь. Об этом Вы мне ничего не говорили. – она сделала паузу. – Помнится в произведении Лидия Потаповна говорила детективу Ире, что, цитирую: – Моя дочь Раиса Потапова скоро должна быть здесь. Я месяца два тому назад написала в Смоленск, чтобы она

приезжала ко мне погостить. Я бы хотела, чтобы она осталась со мной. Но это уже невозможно. Она должна приехать вместе с надворным советником Робертом Карловичем, придет. — затем Елена Кузьминична, сделав паузу, сказала. — Лидия Потаповна тогда, если мне не изменяет память, сказала: должно быть, к поминкам поспеет. А если не придет, то бог с ней. Она, то есть Раиса Потаповна, — уточнила Елена Кузьминична, — ко мне, то есть к Лидии Потаповне, всегда питала скверные чувства, как будто я враг ей была. А разве я враг?! Разве мать может быть врагом своих детей? Конечно же, это нонсенс. Мать не может быть врагом своих детей. И даже Лидия Потаповна утвердила: это факт. — она сделала паузу. — Я не понимаю, — сказала она. Почему Лидия Потаповна утверждает, что у неё нет никакой дочери. Что её не было и нет. — Действительно. — согласилась Любовь Романовна с Еленой Кузьминичной.

— Что ни говори, а Лидия Потаповна такие слова говорила. — сказала Любовь Романовна стараясь понять, о чём идёт речь. — Но дело в том, — объясняла она своей дочери свою задумку этой истории, — что все эти события, написанные ране произошли после того, как произошло это событие. — сказала она однозначно. — Событие, которое разлучило Раису Потаповну со своею матушкой.

— И что же это за событие? — нетерпеливо спросила Елена Кузьминична. — Что таково произошло между ними?

— Завтра. «Всё завтра», — сказала Любовь Романовна, же-

лая прекратить этот разговор. — Уже, — посмотрела она на часы, — почти три четверти пять. Пора спать. Спать, и никаких там возражений.

Любовь Романовна встала со стула и направилась в спальню.

Елена Кузьминична встала со стула, подошла к окну.

В это самое время какая та ночная птица пролетела около окна и взмыв вверх, проголосила:

– **КАР-КАР-КАР.**

Да, это был ворон. Старый мудрый ворон, живший неподалёку. Он ещё дважды пролетел возле окна, и ещё два раза он сопровождал своё прибытие тоекратным **КАР**. Но вот он улетел. За окном тишина. Вот-вот рассвет. Пора ложиться спать. Ведь вставать рано. Спать, спать, спать.

Глава 50 Кошмар Любовь Романовны или её сон

Итак, кар-кар-кар. Спать, скорее спать. Первые лучи солнца уже встало из-за горизонта, когда Любовь Романовна и Елена Кузьминична легли поживать. Кто знает, какие были мысли у этих двух женщин? Не знаю, наверное, у каждого свои, а может быть у каждой свои. Не знаю, что они обе думали по этому поводу, наверное, думали не иначе как так:

«Что это? Сон? Сон, который стал явью. Это страшный кошмар, который перерос в явь. Явь — это кошмар, ставший явью. Ведь кошмар — это явь, ставший кошмаром. Ведь кошмар — это то, что я увидела своими глазами. То есть глазами героини моей истории Лидии Пртаповны. Я была на месте моей героини. Разговаривала её устами. Жила какое-то время в её грешном теле. Что дольше? Что будет с моей героиней? А может быть... — ужаснулась Любовь Романовна. — Это я. — неожиданно для себя почему-то решила Любовь Романовна. — Это я и есть героиня этой истории. Ведь не может быть такого, чтоб автор говорил с героями своей истории. Или, может. — на этот вопрос у Любви Романовны не было ответа. — Я — это она. — ужаснулась Любовь Романовна своей ужасающей до нелепости мысли. — Я — это Лидия Потаповна. Это она Любовь Романовна, а не я. — эти ужасные

мысли не давали ей покоя. – Так что же, всё, что я написала, это писала не я? – думала она. – Кто же тогда писал или писала эту историю? Историю в истории. Ведь в моей истории три истории. Кто же написал все эти истории, ежели я смотрела на реальность этой истории глазами моей героини Лидии Потаповны. Героине или автора этой истории. – поймав себя на этой мысли, Любовь Романовна, ужаснулась. Она не могла поверить, что она является героиней чьей-то истории. Что это пишет не она, а кто-то ещё пишет эту историю, в которой она является одной из героинь этих незамысловатых историй. – Я героиня своего романа. Своей истории. Истории героев того времени. – Так что же эта за история? – не могла понять Любовь Романовна. – История, которую пишу я. А может быть, история, которая пишет меня. Но кто тогда пишет мою историю? Елена Кузьминична – моя дочь. Она пишет эту историю. Историю моего романа. Ту историю, которую я хотела бы забыть. Но забыть нельзя. Человек всегда помнит историю своей жизни. Конечно, какие-то моменты из жизни лучше забыть. Человек их забывает. Они исчезают в глубинах его подсознание до определённого момента его жизни. И только тогда, когда, как человеку, кажется, он забыл их, они, словно паразит лезут обратно, наружу напоминая нам о неизбежном том зле, который нам присуще или кое было причинено нам – людям вообще. – думала Любовь Романовна, лёжа на кровати. Когда первые лучи восходящего солнца, озарили её комнату утреннем жёлтым светом, Лю-

бовь Романовна встала с постели, и, подойдя к окну, посмотрела вдаль, туда, где показалось из-за горизонта край диска, поднимающегося из-за горизонта жёлтого, солнце, подумала. – Что дальше? Кто есть кто? Неужели я это она? Я — это Лидия Потаповна? Женщина из моего же романа. Тогда кто я? – не могла понять она. – Героиня своего же романа или всё же автор этой истории. Кто я? – задавала она сама себе этот вопрос. – Почему я видела... нет, была героиней истории, которую сама и написала?».

– Здравствуйте, Любовь Романовна. – послышался чей-то за её спиной.

Любовь Романовна оглянулась. Её лицо от увиденного окаменело. Сзади неё у входной двери в комнату стояла женщина. Довольно тучная дама. Лицо у неё было довольно противное, но в то же время располагающее к разговору. По описанию, которое Любовь Романовна написала в своей истории, она поняла, что перед ней ни то Лидия Потаповна, ни то Лилия Потапова, которые были как две капли воды похожи друг на друга.

Видя, что Любовь Романовна в недоумении, женщина представилась:

– Меня зовут Лидия Потаповна. – она сделала однозначную паузу и сказала. – Я пришла.

– Разве я Вас звала? – спросила любовь Романовна. – Я точно знаю, что я Вас не звала. – она сделала паузу. – Да и как же мне Вас прикажите позвать, если Вы лишь одна из

героинь моего романа.

– Верно. – согласилась Лидия Потаповна. – Одна лишь из героинь этого романа.

В этом ответе, Любовь Романовна, совершенно отчётливо слышался голос иронии. Иронии Лидии Потаповны насчёт того, что она героиня этого романа.

– Я героиня. – скала Лидия Потаповна с долей усмешкой и иронией в голосе. – Героиня романа. – она, сделав паузу, сказала. – Но всё же Вы меня звали.

– Я не звала. – однозначно сказала Любовь Романовна.

– Во всяком случае я здесь. – сказала Лидия Потаповна. – Я пришла, потому что Вы не можете понять, Любовь Романовна, почему Вы видели то, что как будто бы и нельзя видеть обычному человеку. – затем она спросила. – Вас, Любовь Романовна, что-то беспокоит?

Тем самым времени Любовь Романовна, убеждая себя, что всё это сон, она посмотрела на постель, где она должна была лежать и почивать, она не обнаружила на нём никого. Ни себя, ни присутствующую здесь Лидию Потаповну, на кого бы то ни было ещё.

Тем временем Лидия Потаповна сказала:

– Я понимаю, что Вы не можете понять, не можете поверить, что я здесь. Но это так. Я здесь. В этой комнате, и я пришла.

– Пришли? – не понимала Любовь Романовна. – Зачем?

– Я пришла, чтобы помочь Вам.

– Помочь в чём? – не понимала Любовь Романовна.

Тем временем Лидия Потаповна отвечала:

– Помочь в том, в чём Вам нужна помощь.

– Помощь? – развела руками Любовь Романовна. – Я не понимаю.

– Нет. – продолжала утверждать Лидия Потаповна. – Вы знаете, о ком я говорю.

– О ком? – не понимала Любовь Романовна. – Что, нет, кого Вы имеете в виду? – и в это самое время ей на ум пришла одно имя. Имя Женевьеве, которое она сказала Елене Кузьминичне. Сообщив ей, что та является её старшей сестрой.

Напомним вкратце, как это было.

... Почтмейстер отклонился, сел в почтовый экипаж и поехал дальше. Любовь Романовна смотрела в его след, и ей казалось, что эта не карета, а дорога убегает всё дальше и дальше, превращая почтовую карету в маленькую точку, которая исчезла вдали — за поворотом убегающего в даль леса.

Что ж, возможно так оно и правильно. Наша дорога жизни не прямая. Порой она поворачивает в никуда. Туда, где не знаешь, что там за поворотом ждёт тебя. Этого не знала и Любовь Романовна. Ей было страшно. Грядущее было не определённым. А самое главное она боялась того, что её старшая дочь Женевьева так и не простит её.

– Я просто отказалась от неё. — неожиданно сказала Лю-

бовь Романовна. — Родители были уже при смерти, и я вернулась к ним. — она сделала паузу. — Мой отец простил меня и отдал мне всё наследство, с тем условием, что я откажусь от Женеьевы. — она снова сделала грустную паузу. На её сердце было тяжело. Словно на сердце камень лежал. И тут она тихо сказала. — Я согласилась. — она снова сделала паузу и сказала. — После этого я никогда не интересовалась жизнью Женеьевы, и где она сейчас, я не знаю. — заплакала она пуще прежнего.

— Скажите Любовь Романовна. Вы написали меня, потому что Вы видите во мне себя?

— Нет. — однозначно ответила Любовь Романовна. — Я в Вас себя не вижу. — Люди всегда видят в кого-нибудь самих себя. — сказала Лидия Потаповна. — Это так завидено.

— Но не у меня. — ответила Любовь Романовна. — Я ни на кого не перекладываю свои ошибки. — Разумеется, не перекладываете. — сказала Лидия Потаповна. — Вы их возлагаете на персонажей истории которую Вы пишете. — тут она сделала паузу. — Но пишете ли Вы её? — спросила Лидия Потаповна. — Или она пишет Вас. — сделав однозначную долгую выдержку, она сказала. — Согласитесь, порой истории из жизни написать легче, чем выдуманные истории. Истории из жизни гораздо интереснее, чем истории выдуманные самим автором. — она, снова сделав паузу, сказала. — Они даже пишутся быстрее. — и привела пример. — Прямо как Ваша.

– Я с Вами совершенна согласна, реальные истории легче перенести на чистый лист бумаги, чем выдуманные.

– Тогда ответьте мне на простой вопрос.

– Какой?

– Вы пишете выдуманную историю или нет?

Любовь Романовна задумалась. Она не знала, что ответить. С одной стороны, эти истории, конечно, были выдумками. Выдумками, которые приобрели реалистичность. Но, с другой стороны, это были реальные истории. Истории жизни разных людей. Собранных в одну-единственную историю, они приобрели свои очертания и получили жизнь на страницах книги, которую писала сейчас Любовь Романовна со своей дочкой.

– Видите, – продолжала говорить Лидия Потаповна, — Вы не можете мне ответить на этот вопрос, так же как не можете ответить на него сами себе. – она сделала паузу. – Не правда ли, — сказала она, — на этот вопрос нет однозначного ответа. – Лидия Потаповна, снова сделав паузу, грустно сказала. – Впрочем, его вообще нет.

– Нет. - однозначно возразила Любовь Романовна. – На всякий вопрос есть ответ.

– Тогда скажите мне, — интересовалась Лидия Потаповна. – почему я здесь? Героиня Вашего романа пришла к Вам Любовь Романовна и говорю с Вами. – она выдержала паузу. – Не кажется ли Вам, что это безумие. Я здесь, хотя меня здесь быть не должно.

Любовь Романовна не знала, что ответить. Действительно, получился какой-то нонсенс. Какой-то абсурд. Где это видано, чтобы нормальный человек в здравом уме разговаривал с призраком? Ведь с призраком говорить нельзя. Нельзя, потому что нельзя, а потому что он бестелесен и не способен говорить на каком-либо земном языке, если только понимать его разумом человеческого сознания, осознание того, что это не кто иной, как призрак глаголит с Любови Романовной, а никакая там болезнь.

– Видите, — продолжала говорить Лидия Потаповна, — У Вас нет ответа на этот вопрос. А разве нет, то нет ответа на каждый вопрос, только на какую-то его часть. — она снова сделала паузу. — То есть, на вопрос, осознано, Вы написали мою героиню, бросивший свою дочь или дочь, бросившую свою мать. — она сделала однозначную паузу. — Это Ваша история, а не моя. Я лишь героиня, вышедшая из пера, перенесённую на чистый лист бумаги, и больше ничего. «Но кто пишет эту историю», — снова спросила Лидия Потаповна, — Вы её, или она пишет Вас?

Вопрос в десятку. Точка, и всё тут. История Любовь Романовны многогранна. Она обширна. Кто знает происходило всё это на самом деле? Была ли эта история с ней или с её родителями? Это знала лишь сама Любовь Романовна, а она молчала.

В этот самый момент в её спальни появилась Раиса Потаповна. Она вошла в дверь так, словно прошла её насквозь и

вышла из-за спины Лидии Потаповны. Встав возле неё, она поздоровалась, затем сказала:

– Я никогда не видела женщин которых терзает совесть за содеянное. Впрочем, совесть — понятие относительное. Женщинам это понятие совести незнакомо. «Их не терзает совесть за содеянное», — затем она сказала. – Вас не терзает очевидно совесть за содеянное. – затем она, не дав Любовь Романовны, раскрыть рта, продолжала обличать её в содеянном. – Как Вы могли допустить мысль, что я могла поругаться с моей мамой. Нет, Вы не правы. – сказала она. – Не все, такие как Вы, Любовь Романовна. – затем она заключила. – Родители своих детей не бросают.

– Я была молода! – оправдывалась Любовь Романовна. – Я...

– Неважно. – презренно бросила Лидия Потаповна. – Зачем рожать, если женщина ребёнка не хочет. НЕ ПОНИМАЮ.

– Наверное, Любовь Романовна не хотела растить ту, что зачала в...

– Но это не оправдание, чтобы отказываться от ребёнка. Ребёнок ни в чём не виноват.

– Вы, маменька правы. Лидия Потаповна не имела права отказываться от Женеьевы. Ведь она зачата во грехе, её попросту изнасиловали.

Тут Лидия Потаповна сказала:

– Диметрио — это тот насильник, который воспользовал-

ся Вами, Любовь Романовна. Вы видели моими глазами то, что происходило в той комнате. Призрак — это серьёзно. Кто он надворный советник Роберт Карлович? Пора с ним всем нам познакомиться.

– Я его уже убила.

– Если бы Вы его убили, то и истории не было. Нет, надворный советник Роберт Карлович жив, он это Диметрио. А кто такой Диметрио? Нечто из космоса. Я не виню Вас в том, что Диметрио прибыл из другой галактике, без него не будет полноценной истории. Пора с ним познакомиться и, наконец, выяснить, кто убил меня? Впрочем, почему Вы меня убили? – задавала Лидия Потаповна вопрос Любовь Романовне. – Почему я стала первой жертвой некоего человека? Вы не можете ответить на этот вопрос, это и понятно. Трудно признать то, что очевидно.

– Это Вы о чём? – осторожно поинтересовалась Любовь Романовна, и Лидия Потаповна ей отвечала:

– Человек способный убить в начале своего произведения главного героя или его антипод, тот человек просто тем самым хочет отомстить тому герою или, как в нашем случае героине этой истории, за что-либо. – она сделала паузу. – Вот я и спрашиваю Вас Любовь Романовна, кого вы так ненавидите, ежели убили меня в начале нашей с Вашей истории. Да-Да, и не перебивайте. Ведь герой истории и его автор едины. – она сделала однозначную паузу. – Кто тот человек, которому Вы желаете смерти? Кто он или она?

Ответ не заставил себя ждать. Он был прозаичен; в какой-то момент дети хотят избавиться от своих родителей. Сделать так, чтобы они не мешали им жить. Это конечно, не самоубийство родителей, этого никто не желает. Впрочем, за всех никто не скажет. А вот избавиться от них, уехать от них или чтобы они уехали от них – это и есть главная цель всех детей, а потом и их детей и так далее.

– Чем Вам помешали Ваши родители? – поинтересовалась Лидия Потаповна. – Вы желали от них избавиться? – Не в кое время! – ужаснулась Любовь Романовна. – Я любила своих родителей, и даже сейчас, после того как их не стало, я их люблю. – Но Вы убили меня. – однозначно заявила Лидия Потаповна. – То есть Вы убили одного своего родителя. – сказала она. – То есть мать.

– Мать? – усмехнулась любовь Романовна. – А Была ли она – мать. – иронично усмехнулась она. – Это для моей дочери мать, а для меня... — она сделала горькую паузу. – Я никогда не знавала свою мать. Я выросла на улице, среди улиц. – она сделала паузу. – Это для моей доченьки, — сказала она раздражённо. – Я примерная дочь своих родителей. На самом же деле я уличная девка из Франции, из Молен Руж. Когда закончилась Война с наполеоном, мне повезло, и в то же время нет. Мой благодетель – муж, спас меня, взял замуж и условием, что я поеду с ним в Россию. Я тогда была молода. Я согласилась. Так что я не знала своих мать и отца.

Они отказались от меня. Бросили. И что, я должна быть им благодарна?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.